

Котляревский Нестор Александрович

**Наше недавнее прошлое в
истолковании художников слова**

**Опыт школьного изложения истории
словесности за вторую половину XX
века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н56

Н56 **Нестор Александрович К.**
Наше недавнее прошлое в истолковании художников слова: Опыт школьного изложения истории словесности за вторую половину XX века / Котляревский Нестор Александрович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 244 с.

ISBN 978-5-519-90751-4

ISBN 978-5-519-90751-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Мѣсто, какое въ школьномъ преподаваніи занимаетъ исторія литературы.— Значеніе художественныхъ памятниковъ прошлаго въ дѣлѣ ознакомленія съ современностью.—Какъ надо читать художественныя произведенія.

Съ многими литературными памятниками второй половины XIX вѣка вамъ уже неоднократно приходилось встрѣчаться. Еще дѣтьми, въ семьѣ, вы имѣли случай ознакомиться съ ними. Затѣмъ, въ школѣ, въ младшихъ классахъ вы пріучались вдумываться въ эти рассказы, стихотворенія и пьесы, начинали цѣнить ихъ художественную красоту и стали разбираться въ богатствѣ тѣхъ душевныхъ движеній, которыя въ нихъ изображены. Теперь то, что раньше вамъ просто нравилось, васъ занимало, возбуждало вашу фантазію, должно стать для васъ предметомъ изученія.

Кому изъ васъ неизвѣстны имена С. Аксакова, Тургенева, Достоевскаго, Л. Толстого, Писемскаго, Григоровича, Островскаго, Салтыкова, Гончарова, Некрасова и цѣлой вереницы поэтовъ—авторовъ любимѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ стихотвореній? Но сколько бы вы пока ни прочли страницъ изъ сочиненій этихъ писателей, вы съ ними еще не знакомы. Истинныхъ и большихъ художниковъ понять и изучить не легко. Ихъ узнаешь и понимаешь постепенно, въ теченіе многихъ лѣтъ, перечитывая ихъ сочиненія неоднократно, въ разные возрасты, и одинъ изъ хорошихъ совѣтовъ, который можно дать вамъ, это—никогда не думать, что вы вполне изучили и претворили въ себѣ большого писателя, который спокойно можетъ отнынѣ покоиться на книжной полкѣ. Бесѣда съ истинными художниками должна быть растянута на всю нашу жизнь, потому что въ ихъ произведеніяхъ мы имѣемъ наиболѣе богатый и наиболѣе точный матеріалъ для изученія самаго загадочнаго и самаго существеннаго явленія жизни, а именно—души человѣческой во всѣхъ разнообразныхъ ея обнаруженіяхъ.

Съ этой „душой“ человѣческой вы пока еще знакомы весьма поверхностно. Въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ науки, пре-

подаваемыя вамъ въ школѣ, имѣютъ своимъ предметомъ либо явленія жизни, возникшія и существующія помимо воли и вліянія человѣка, либо математическія исчисленія, либо грамматическія формы. Среди школьныхъ наукъ одна только исторія и исторія литературы стоятъ въ прямой и тѣсной связи съ психикой человѣческой, повѣствуя о томъ, что человѣкъ на протяженіи многихъ вѣковъ думалъ, чувствовалъ и дѣлалъ. Исторія въ томъ объемѣ, въ какомъ она преподается вамъ, имѣетъ въ виду преимущественно дѣянія людей и только въ самыхъ общихъ чертахъ успѣваетъ коснуться тѣхъ *чувствъ и мыслей*, какими тѣ или другія дѣянія бывали вызваны. И хорошимъ и вѣрнымъ руководителемъ въ ознакомленіи съ этими иногда очень глубокими и сложными мыслями и чувствами является словесное творчество, литература, міръ вымысла, которому человѣкъ съ древнѣйшихъ временъ привыкъ довѣрять свои думы, мечты и надежды. Безъ углубленія въ душу человѣка, безъ проникновенія въ глубь его помысловъ, его мечтаній, чувствъ и настроеній нельзя уяснить себѣ той видимой и осязаемой жизни, какой онъ живетъ. И въ трудномъ дѣлѣ такого проникновенія и такого углубленія лучшими помощниками являются намъ истинные художники, тѣ исключительные люди, которые, какъ всѣми давно признано, обладаютъ именно даромъ читать въ сердцахъ и умахъ людей, какъ въ открытой книгѣ. Литературные памятники, созданные такими художниками,—цѣлое руководство къ познанію души человѣческой и тѣмъ самымъ поясненіе того, что называется самимъ процессомъ жизни, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Въдѣ въ данномъ случаѣ время, отдѣляющее насъ отъ того или иного художественнаго памятника, не имѣетъ большого значенія: много вѣковъ прожилъ человѣкъ на землѣ, условія его жизни сильно измѣнились, но самъ онъ, какъ психическая организація, въ основныхъ своихъ мысляхъ и чувствахъ остался почти неизмѣненъ; и художественные памятники старины могутъ многое разъяснить намъ въ душѣ современной, какъ и современное художественное произведеніе можетъ помочь намъ въ пониманіи людей давно уже отъ насъ ушедшихъ.

Но, конечно, ближайшіе къ намъ по времени художественные памятники могутъ оказать намъ наиболѣе существенную помощь въ дѣлѣ ознакомленія съ современностью, которая насъ окружаетъ.

Русскіе писатели, тѣ, о которыхъ пойдетъ рѣчь въ дальнѣйшемъ—раскрыли передъ нами душу всѣхъ болѣе или менѣе типичныхъ и характерныхъ лицъ, созданныхъ нашей жизнью въ недавнемъ прошломъ. Эти художники говорили не столько о себѣ,

сколько о разнообразныхъ чертахъ и особенностяхъ самой русской жизни въ различныхъ ея слояхъ, столичныхъ и провинціальныхъ, образованныхъ и необразованныхъ; они собрали цѣнный психологическій и историческій матеріалъ и нарисовали цѣлую галлерею типичныхъ портретовъ. Писатели наши, оставаясь художниками, были психологи и историки по преимуществу, очень часто проводники извѣстныхъ нравственныхъ и общественныхъ мыслей и чувствъ, и произведенія ихъ стали въ концѣ концовъ правдивой исповѣдью цѣлаго ряда смѣнявшихъ другъ друга поколѣній. Вотъ почему, если вы хотите дать себѣ отчетъ въ современной вамъ жизни, если вы хотите понять самихъ себя, разобраться въ собственной душѣ, вамъ нужно обратиться къ тѣмъ показаніямъ, какія даны о нашей жизни самыми чуткими изъ ея свидѣтелей и участниковъ.

Какова бы ни была та специальность, какую вы выберете, когда окончите школу, знаніе и подробное знаніе русской литературы недавняго прошлаго должно стать одной изъ ближайшихъ задачъ вашего самообразованія. Писатели наши успѣли написать цѣлую библіотеку, но пусть васъ не страшитъ ея большой объемъ. Въ вашей жизни найдется достаточно времени, чтобы перебрать эту библіотеку по томамъ и на свободѣ спокойно и вдумчиво отнести къ тому, что въ этихъ книгахъ вамъ откроется. А откроются вамъ несомнѣнно большія богатства.

На ряду съ писателями самыми видными, имена которыхъ вамъ и теперь извѣстны,—вы встрѣтитесь съ именами для васъ новыми, съ людьми, талантъ которыхъ не можетъ быть названъ первокласснымъ. Не упускайте потомъ случая ознакомиться съ этими бытописателями жизни русской, хотя бы слава ихъ и не гремѣла. Много въ ихъ сочиненіяхъ страницъ и до сей поры живыхъ и полныхъ смысла, много портретовъ лицъ незаурядныхъ и характерныхъ, много наблюденій и свѣдѣній, которыя пригодятся вамъ, когда вамъ самимъ придется считаться съ жизнью, столь сложной и столь богатой въ своемъ поражающемъ разнообразіи.

Мы обыкновенно совершаемъ большую несправедливость въ отношеніи къ писателямъ; мы гонимся за большими именами, мы требуемъ отъ писателя наивозможно большей художественности, и мы считаемъ себя въ правѣ проходить мимо многихъ, слава которыхъ потускнѣла, хотя и было время, когда они этой славой въ полной мѣрѣ пользовались; мы бережемъ себя и хотимъ съ наименьшей затратой труда получить и возможно большее наслажденіе при чтеніи, и возможно большее поученіе. И мы забываемъ, что тотъ, въ сущности, малый трудъ, который мы затратимъ на чтеніе литературныхъ

памятниковъ—съ лихвой себя окупить, такъ какъ онъ откроесть намъ глаза на характерныя особенности нашей жизни, и до сихъ поръ не исчезнувшія, и ознакомить насъ съ людьми, существованіе которыхъ мы даже не подозреваемъ, и которые тѣмъ не менѣе участвуютъ въ общемъ движеніи и развитіи переживаемой нами эпохи. Если мы хотимъ, чтобы современная жизнь не была для насъ загадкой, не поражала насъ неожиданностями, мы должны знать, какой она была прежде. И эти знанія могутъ дать вамъ наши художники—безъ различія ранга—въ гораздо большемъ количествѣ и въ болѣе живыхъ и наглядныхъ очертахъ, чѣмъ авторы многихъ ученыхъ книгъ и статей публицистическаго характера.

Но, конечно, такое чтеніе предстоитъ вамъ въ будущемъ, а не въ школѣ, гдѣ всѣ предметы ученія должны быть строго соразмѣрены, и гдѣ отечественная словесность есть одна изъ многихъ наукъ, требующихъ вашего вниманія.

Въ школѣ вамъ дается только самое главное, самое лучшее, отборное изъ того, что было написано нашими лучшими художниками. Это лучшее и это отборное въ то же время и наиболѣе значительное, ярче другого поясняющее душу тѣхъ людей, которые въ недавнемъ прошломъ были лицами наиболѣе типичными, вносящими въ жизнь наибольшее движеніе. При ознакомленіи съ этимъ „лучшимъ“, что создано нашими художниками, помните однако, что, впервые, это все-таки далеко не *все*, что было ими создано лучшаго, что многое не менѣе значительное и красивое не вошло въ вашу учебную программу за недостаткомъ школьнаго времени. Помните также,—и это самое главное,—что чѣмъ совершеннѣе художественное произведеніе, тѣмъ разнообразнѣе и глубже его смыслъ, и потому тѣмъ труднѣе пониманіе его. Всѣ произведенія, съ которыми вы въ нашихъ бесѣдахъ встрѣтитесь—историческіе памятники большого значенія и вѣса. Мало насладиться ими, мало быть увлеченнымъ ихъ красотой, заманчивостью разсказа, живостью драматическихъ положеній, блескомъ стиля и яркостью образовъ; всего этого мало для того, чтобы сказать, что вами поняты эти произведенія и усвоены. Ихъ должно изучить одно въ связи съ другимъ и въ связи со всей исторической эпохой, когда они возникли. Только тогда ихъ истинный смыслъ и ихъ значеніе для нашей жизни полностью обнаружатся, и къ тому художественному наслажденію, какое вы получите, читая эти произведенія, добавится и вполне сознательное отношеніе къ нимъ какъ къ памятникамъ, по которымъ вы можете изучить человѣка вообще и въ частности русскаго человѣка.

До сихъ поръ вы читали нѣкоторые изъ художественныхъ памятниковъ въ разбивку. Безъ строгой системы они попадали вамъ въ руки. Вамъ некогда было разсматривать ихъ, какъ отраженіе опредѣленныхъ историческихъ эпохъ нашей жизни.

Но именно къ такому послѣдовательному разсказу о связи нашей жизни съ памятниками изящной словесности намъ и надлежитъ приступить.

Первое, что вы должны принять за правило, это—не торопливое, внимательное чтеніе тѣхъ памятниковъ, о которыхъ пойдетъ рѣчь. Всѣ они *безъ исключеній* должны быть вами прочитаны. Вы не должны полагаться ни на какое постороннее изложеніе содержанія того или другого произведенія. Всѣ книги, которыя стремятся облегчить вамъ знакомство съ памятникомъ тѣмъ, что своими словами передаютъ его содержаніе—приносятъ только вредъ. На знакомство съ художественнымъ памятникомъ никогда не надо жалѣть труда и времени. Число памятниковъ, о которыхъ мы будемъ говорить, не особенно велико, художественная цѣнность ихъ необычайно высока, и потому чтеніе ихъ есть наслажденіе, и кромѣ того это чтеніе не потребуетъ отъ васъ какого-нибудь особаго предрасположенія или настроенія, а наоборотъ само создастъ такое настроеніе и потому всегда будетъ легко и кстати. Но только не надо *торопиться* въ чтеніи; торопливое чтеніе даетъ всегда очень мало и приучаетъ слѣдить лишь за развитіемъ самой фабулы, самаго дѣйствія въ разсказѣ, бѣгло пробѣгая или совсѣмъ опуская многія страницы, которыя кажутся съ перваго взгляда скучными, а на самомъ дѣлѣ полны большого смысла.

Учебныя книги очень часто предлагаютъ вамъ также готовыя характеристики главныхъ дѣйствующихъ лицъ повѣстей, романовъ, поэмъ и драмъ, намѣченныхъ программой. Желая облегчить себѣ работу мысли или желая выиграть время, вы нерѣдко зазубриваете эти характеристики. Считайтесь съ ними, но не принимайте ихъ слѣпо на вѣру, соглашайтесь съ ними или отвергайте ихъ, согласно вашему собственному разумѣнію, имѣя собственное сужденіе объ образѣ мыслей, настроеніи и поступкахъ того и другого дѣйствующаго въ разсказѣ лица. Для такого сужденія особыхъ знаній не нужно—нужно только умѣнье спокойно и серьезно относиться къ тому, что читаете. Ваше свободное раздумье надъ жизнью вымышленныхъ лицъ научитъ васъ вдумчиво относиться и къ окружающимъ васъ людямъ, оно установитъ связь между тѣмъ, что вы читаете, и тѣмъ, что внутри васъ и вокругъ васъ происходитъ. А безъ такой связи чтеніе превращается

въ простую забаву или простое заполненіе свободнаго времени.

Нужно очень бережное, очень серьезное отношеніе къ такой національной святынь, какъ наша изящная словесность, и чѣмъ раньше такое отношеніе будетъ установлено между вами и писателемъ, тѣмъ больше вашъ умъ и ваше сердце отъ этого выиграютъ.

II.

Наша изящная словесность, какъ національная святыня.—Ея художественное совершенство.—Ея гуманность.—Общечеловѣческое въ ней и національно-самобытное.

Памятники нашей отечественной художественной словесности я назвалъ національной святыней; это не только поэтическая метафора, но опредѣленіе, вѣрно передающее то отношеніе, какое уже давно установилось между нами и этими созданіями мечты и ума нашихъ писателей. Святымъ мы называемъ обыкновенно то дорогое для насъ въ жизни, чему мы приписываемъ не какую-нибудь временную, преходящую цѣнность, а цѣнность длительную, иногда вѣчную, насколько мы, смертные люди, на смертной землѣ можемъ говорить о вѣчномъ; святымъ для насъ мы называемъ то, что тѣснѣйшимъ образомъ связано съ нашими мыслями и нашими чувствами, со всѣмъ складомъ нашего ума и сердца, безъ чего мы не можемъ представить себѣ насъ самихъ, какъ людей призванныхъ къ работѣ надъ жизнью, и притомъ къ работѣ разумной и справедливой, осуществляющей по мѣрѣ силъ идеалы добра и правды на землѣ. Наконецъ, святымъ является для насъ то, что не подарено намъ, не случайно нами пріобрѣтено, а добыто нами упорнымъ трудомъ, упорной работой духа, куплено большой тревогой ума и большими душевными страданіями—то, что по праву принадлежитъ намъ, какъ нераздѣльная часть нашего „я“, что не можетъ быть ни унижено, ни оскорблено безъ того, чтобы не были унижены и оскорблены мы сами.

Наша художественная словесность есть именно то наше національное богатство, которое пріобрѣтено нами не на срокъ, а навсегда, останется вѣчнымъ свидѣтелемъ нашей духовной силы и таланта, богатствомъ, которымъ мы пользовались во благо добра и правды, и которое ни отъ кого нами въ даръ не принято, а создано нашимъ національнымъ геніемъ и принадлежитъ намъ русскимъ, какъ особому племени, призванному, какъ и другія племена, на общую культурную работу.

Помимо всѣхъ этихъ особенностей, повышающихъ для насъ изящную словесность до степени національной святыни, она обладаетъ еще, конечно, однимъ качествомъ, безъ котораго она не была бы тѣмъ, чѣмъ она есть, а именно — она въ своихъ лучшихъ образцахъ истинно художественна и изящна. Она блещетъ той красотой внѣшней и внутренней, которая отводитъ ей мѣсто среди всѣхъ міровыхъ образцовъ художественнаго творчества. Это эстетическое совершенство, эта красота — также обнаруженіе нашего національнаго генія, свободное его проявленіе, даръ, лично ему принадлежащій, такъ какъ никогда и ни при какихъ условіяхъ художественность выполненія и даръ создавать истинно красивое не могутъ быть заимствованы, не могутъ быть искусственно воспитаны. Великіе мастера и художники рождаются, а не образуются и потому всегда безраздѣльно принадлежатъ тому племени, среди котораго они вырастаютъ, и свидѣтельствуютъ о силѣ и глубинѣ его національнаго генія.

Надъ художественными произведеніями такихъ творцовъ время не властно, и, спустя тысячу лѣтъ послѣ своего рожденія, они такъ же свѣжи и такъ же полны живого смысла, какъ въ годы, когда они были новинкой дня.

Конечно, не всѣмъ произведеніямъ, о которыхъ мы будемъ говорить, можно выдать такой аттестатъ вѣчной міровой цѣнности. Многіе изъ этихъ памятниковъ останутся навсегда цѣнны и дороги лишь намъ, русскимъ, и въ глазахъ остальнаго культурнаго міра будутъ имѣть интересъ лишь мѣстный и историческій. Но найдутся и такіе памятники, которые, какъ это уже теперь вполне ясно обнаружилось, станутъ достояніемъ всего человѣчества и навсегда сохранять память о нашемъ племени, о нашемъ русскомъ умѣ, сердцѣ и вдохновеніи. Наша изящная словесность навсегда спасетъ память о насъ отъ забвенія. Какъ бы въ дальнѣйшемъ ни развернулась наша національная общественная и государственная жизнь, сколько бы ума и добра она ни внесла въ общую жизнь народовъ, уже одного того, что создано вдохновеніемъ нашихъ художниковъ, достаточно, чтобы признать въ насъ племя, одаренное большими дарами духа. Нѣкоторые изъ нашихъ сосѣдей, сравнивая ихъ жизнь съ нашей, могутъ сказать, что въ различныхъ областяхъ творчества гражданскаго, государственнаго и духовнаго они насъ опередили, что они богаче насъ, что техника жизни ихъ совершеннѣе нашей, что разные виды социальнаго зла встрѣчаются у нихъ рѣже, или находятъ болѣе значительный отпоръ, что общій уровень образованности и развитія у нихъ выше, чѣмъ у насъ, что наука ихъ богаче силами, чѣмъ наша — все это могутъ сказать наши сосѣди, но

всегда они останавливаются съ удивленіемъ и признаніемъ передъ русскимъ искусствомъ вообще и словесностью въ частности. Они понимаютъ, что такая сила вдохновенія могла быть дана лишь народу исключительно даровитому.

Наконецъ, есть и еще одна характерная особенность нашей изящной словесности, а именно—то чувство симпатіи и любви къ людямъ, та жажда добра и справедливости, однимъ словомъ, то гуманное направленіе, какимъ ея памятники проникнуты. Этотъ гуманизмъ сказывается: двояко—въ обличеніи всяческаго зла въ жизни, въ сатирическомъ и гнѣвномъ къ нему отношеніи, и въ проповѣди добра, которая поручена излюбленнымъ героямъ романовъ, повѣстей, поэмъ и драматическихъ произведеній. Нашъ художникъ поочередно являлся то въ роли судьи общественнаго зла, то въ роли искаателя и проповѣдника общественнаго блага. Въ обѣихъ этихъ роляхъ онъ оставался и правдивымъ историкомъ и прежде всего художникомъ, который не дѣлалъ сознательно никакихъ уступокъ морали въ явный ущербъ красотѣ.

Произведенія, съ которыми вы будете имѣть дѣло, всѣ безъ исключенія принадлежать къ числу именно *художественныхъ* созданий, каковы бы ни были ихъ основныя идеи и ихъ нравственные тенденціи. Этимъ они отличаются отъ очень многихъ другихъ памятниковъ нашей словесности, пользовавшихся также большою извѣстностью, но намѣренно тенденціозныхъ и ставившихъ себѣ главнѣйшей задачей проведеніе въ жизнь вполне опредѣленныхъ нравственныхъ, общественныхъ или политическихъ взглядовъ. Ознакомиться въ деталяхъ съ развитіемъ нашего самосознанія безъ такихъ „тенденціозныхъ“ романовъ и повѣстей—невозможно, но прежде, чѣмъ изучать ихъ, нужно вдумчиво отнестись къ тѣмъ художественнымъ памятникамъ, въ которыхъ заключенъ, такъ сказать, общій художественный синтезъ жизни, дано отраженіе ея въ цѣломъ, сдѣлана попытка освѣтить ея общій смыслъ, а не какіе-нибудь отдѣльные частные вопросы.

Наши писатели не всегда бывали однихъ убѣжденій, понимали добро и зло по-разному, были людьми разныхъ общественныхъ группъ и партій, но тяготѣніе къ вопросамъ нравственнаго порядка, стремленіе смѣло отстаивать свои идеалы въ жизни и рѣшеніе бороться съ тѣмъ, что считаешь несправедливымъ и недобрымъ, было у нихъ общее. Ученые и критики нерѣдко задумывались надъ такимъ нравственнымъ направленіемъ нашей литературы, въ особенности надъ ея пристрастіемъ къ сатирѣ и къ обличенію вообще и хотѣли видѣть въ этой чертѣ отличительное свойство русской литературы среди всѣхъ литературъ иноземныхъ. Но какъ сати-

рическое направлѣніе, такъ и моральная тенденція въ иностранныхъ литературахъ; и старыхъ и новыхъ, не менѣе сильны, чѣмъ въ словесности русской, и мы не имѣемъ права оставлять за собой въ данномъ случаѣ какое-то преимущество. Это не мѣшаетъ намъ, однако, признать за нашей отечественной литературой большую нравственную цѣнность и потому еще разъ убѣдиться въ томъ, насколько ея памятники имѣютъ право на названіе національной святыни.

Художественная по формѣ, гуманная по своимъ взглядамъ, во многихъ случаяхъ имѣющая цѣнность міровую и вѣчную, наша изящная словесность—созданіе нашего національнаго генія и принадлежитъ намъ, русскимъ, безъ раздѣла. Она создана нами, нашими духовными силами, создана самобытно.

Конечно, искать въ ней идеи, чувствъ и настроеній, которыя были бы совершенно новы, не встрѣчались бы въ другихъ литературахъ и въ другія времена—напрасно; мысли, настроения и драматическія положенія не могутъ принадлежать фантазіи одного какого-нибудь племени, они съ далекихъ временъ составляютъ общее достояніе всего человѣчества, и самая яркая мысль и самое глубокое чувство любого генія имѣетъ своихъ предшественниковъ и своихъ соревнователей. Ожидать, что мы въ нашей изящной словесности найдемъ какое-нибудь особое откровеніе, какой-нибудь особый, отличный отъ всѣхъ существовавшихъ и существующихъ, взглядъ на жизнь, какую-нибудь новую нравственную переоцѣнку жизни—нельзя. Общечеловѣческое предстанетъ передъ нами, но только въ русскомъ одѣяніи. Мы увидимъ, какъ та или другая міровая мысль или чувство, всему человѣчеству знакомое, будетъ дополнена, развита, отвергнута или принята русскимъ умомъ и сердцемъ. Эта мысль и это чувство станутъ нашими не потому, что мы первые ихъ создали и почувствовали, а потому, что мы на пониманіе и усвоеніе ихъ, на борьбу съ ними и ихъ защиту потратили много усилій, тревоги, страданій и вольнаго труда. Въ этомъ смыслѣ, и только въ этомъ, эти идеи и чувства могутъ назваться нашими и самобытно приобрѣтенными.

Надо жить сознательною жизнью, свободно воспринимать ее, много разсуждать надъ ея смысломъ, отнестись къ ней со страстью, чтобы получить право сужденія о ней. Это право нами приобрѣтено, и наиболѣе полное и яркое изложеніе нашихъ взглядовъ на жизнь, на призваніе человѣка, на судьбы нашей родины, на ея прошлое и настоящее—даны на страницахъ нашей изящной словесности. То, что въ ученыхъ книгахъ, пока весьма немногочисленныхъ, и въ публицистическихъ

и критическихъ статьяхъ, вызванныхъ въ большинствѣ случаевъ той же изящной словесностью, дано, какъ разсужденіе, то въ памятникахъ словесности дано, какъ живой образъ, и этотъ художественный живой образъ иногда лучше всякаго подробнаго разсужденія отражаетъ и глубину и широту нашего русскаго взгляда на всѣ сложные и несложные вопросы жизни. И въ этихъ взглядахъ и вызванныхъ ими чувствахъ мы несомнѣнно самобытны и самостоятельны, такъ какъ мы не усваивали ихъ механически, не заимствовали ихъ безъ критики у кого бы то ни было изъ нашихъ сосѣдей, не повторяли ихъ по указкѣ, а брали ихъ изъ общемирового запаса идей и чувствъ, увеличивая этотъ запасъ своими наблюденіями и размысленіями.

Такое свободное и самостоятельное отношеніе къ труднымъ и сложнымъ вопросамъ жизни не было нами достигнуто сразу и потребовало извѣстнаго времени. Времени на это ушло, однако, очень немного. Если принять во вниманіе, что въ болѣе или менѣе близкое общеніе съ культурнымъ міромъ мы вступили лишь со временъ Петра, что вся наша умственная жизнь и вмѣстѣ съ ней литературная въ продолженіе всего XVIII вѣка сводились, за очень рѣдкими исключеніями, къ усвоенію матеріала ученаго, философскаго, религіознаго, нравственнаго и литературнаго, какой намъ давалъ во всемъ насъ опередившій западъ, то только съ начала XIX вѣка можно начать счетъ тѣхъ годовъ, когда мы самостоятельно и безъ указки начали задумываться надъ теоретическими и практическими вопросами жизни и, не желая повторять чужія слова, захотѣли говорить отъ себя. Но и вся первая половина XIX вѣка можетъ также назваться школьнымъ періодомъ нашего міросозерцанія. Несмотря на наличность большихъ умовъ и талантовъ, мы были тогда все-таки мало самостоятельны въ сужденіяхъ, главнымъ образомъ потому, что наблюденій надъ окружавшей насъ жизнью было произведено пока еще очень мало. Только во вторую половину XIX вѣка и наша наука, и публицистика, и критика, и литература, пройдя хорошую иностранную школу, стала на свои ноги и въ короткий срокъ обнаружила и развила большую силу самостоятельныхъ сужденій и самобытныхъ настроеній.

Изящная словесность быстрѣе и яснѣе, чѣмъ какая-нибудь иная область духовной дѣятельности, отразила этотъ процессъ зрѣющей нашей мысли и свободно углубляющагося и расширяющагося чувства, и такъ какъ эта словесность была плодомъ творческой фантазіи, творческаго дарованія, которому нельзя научиться, а съ которымъ должно родиться—то понятно, что въ нашихъ глазахъ наша изящная художествен-